

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 4 (7)

2021

П. Н. Базанов

Культура русской эмиграции — гордость отечественной истории

УДК 008(1-87)(=161.1)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2021_4_11
EDN VFAKSY

Аннотация: В статье дается обзор истории первой «волны» русской эмиграции. Анализируются основные термины, существующие в современном эмигрантоведении: «русская эмиграция», «Русское Зарубежье», «Российское Зарубежье», «российская эмиграция». Доказывается, что под русскими эмигрантами надо понимать не этнографических великорусов, а лиц, принадлежащих к русской культуре. Рассмотрена география Русского Зарубежья, основные центры («столицы») и страны расселения. Дается обоснование «Русского Зарубежья» как культурного феномена XX в. — страны без территории. Обоснована хронология «волн» русской эмиграции. Выявлены основные учебные заведения Русского Зарубежья. Показан вклад представителей русской эмиграции в мировую и отечественную науку и культуру. Дана классификация ученых Русского Зарубежья. Доказывается, что основным смыслом жизни соотечественников за рубежом была любовь к Родине и подлинный патриотизм. Показан высокий уровень культуры и науки Русского Зарубежья и их влияние на мировую историю. Статья основана на многолетней исследовательской работе автора.

Ключевые слова: русская эмиграция, Русское Зарубежье, Российское Зарубежье, российская эмиграция, «волны» эмиграции, культура, наука, патриотизм, Родина, вклад в мировую культуру.

Об авторе: **Петр Николаевич Базанов**

Доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, действующей на базе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Для цитирования: Базанов П. Н. Культура русской эмиграции — гордость отечественной истории // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 11–24.

Petr N. Bazanov

The Culture of Russian Emigration is the Pride of National History

UDC 008(1-87)(=161.1)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_4_11

EDN VFAKSY

Abstract: The article reviews the history of the first “wave” of Russian emigration. The main terms that exist in modern emigration studies are analysed: “Russian emigration”, “Russian Abroad”. Russian emigrants should be understood not as ethnographic Great Russians, but as persons belonging to the Russian culture. The geography of the Russian Diaspora, the main centres (“capitals”) and the countries of settlement are considered. The article provides a justification for the “Russian Abroad” as a 20th century cultural phenomenon – a country without a territory. The chronology of the “waves” of Russian emigration is substantiated. The main educational institutions of the Russian Abroad are identified. The contribution of Russian representatives to world and national science and culture is shown. The classification of scientists of the Russian Abroad is given. It is proved that the main meaning of the life of compatriots was love for the Motherland and genuine patriotism. The high level of culture and science of the Russian Abroad and its influence on world history are demonstrated. The article is based on the author’s long-term research work.

Keywords: Russian emigration, Russian Abroad, “waves” of immigration, culture, science, patriotism, the Motherland, the contribution to world culture.

About the author: **Petr Nikolaevich Bazanov**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specifics of their Cultures and Interreligious Dialogue, operating on the basis of the D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

For citation: Bazanov P. N. The Culture of Russian Emigration is the Pride of National History. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 4 (7), pp. 11–24.

Один из первых историков русской эмиграции П. Е. Ковалевский предельно точно заметил: «В мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с Русским Зарубежьем»¹. То же писал и первый историк русской зарубежной литературы профессор Г. П. Струве: «Сама эта эмиграция есть явление огромное, в мировой истории беспрецедентное»². Многие исследователи отмечали уникальность русской эмиграции, принципиальное нежелание эмигрантов ассимилироваться за границей³, их постоянную мечту вернуться на Родину.

После революции 1917 г. русская культура разделилась на две ветви. В результате победы большевиков в Гражданской войне в СССР стала главенствовать коммунистическая идеократия, и развитие «независимой» отечественной мысли и культуры происходило или подпольно в СССР, или в эмиграции. Русская эмиграция стала, образно выражаясь, полигоном «свободной мысли», а книги и периодика — это материализация мысли. В XX в. русские люди оказались за рубежом без средств к существованию, потеряли все, включая и любимую Родину, но при этом представители первой «волны» были искренними патриотами. Поэтому основное настроение — ностальгия, а основная тема — воспоминания о Родине — России, «как было хорошо в России до большевиков». Ностальгия способствовала массовому творчеству, особенно, автобиографическим романам и мемуарам. На долю этого поколения пришлось очень бурная жизнь начала XX в. — русско-японская война, «стольпинские реформы», Первая мировая и Гражданская войны, эмиграция и т. д. В такую беспокойную эпоху биография каждого человека, даже самого «простого», была как увлекательный роман. Учитывая высокий уровень образования «первой» волны, все вышперечисленное способствовало развитию литературной, публицистической и издательской деятельности.

Белая Россия. Исход. Худ. Д. А. Белюкин, 1992–1994 гг.

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Ниж. Новгород, 2019. С. 13.

² Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 22.

³ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 14.

Шведский король вручает
Ивану Алексеевичу Бунину
Нобелевский диплом. Стокгольм, 1933 г.

Эмигранты первой «волны» создали внетерриториальную страну — «Русское Зарубежье» («Зарубежную Россию», «Россию № 2», «Россию вне России» и т.д.), обладавшую всеми признаками государственности. Элита русской эмиграции была прямой наследницей «Золотого» и «Серебряного» веков русской культуры, а себя рассматривала как единственную законную правопреемницу национальных традиций. В местах компактного проживания русские создали «Зарубежную Россию» как страну без территории, но со всеми внешними и внутренними признаками и атрибутами (правительство, Церковь, РОВС в качестве армии и даже претенденты на царский трон), — культурную жизнь как целостную систему (школы, университеты, библиотеки, музеи, архивы, периодическая печать, книгоиздательства, общественные объединения, кружки и т.п.). Русские становятся как бы государством в государстве, а их культура — особой культурой в рамках существующей национальной культуры того или иного государства. Возникает идея особой духовной миссии: сохранения и приумножения русской культуры, разрушаемой, по мнению эмиграции, в Советской России⁴. Отсюда и знаменитое

высказывание Н. Н. Берберовой, неоднократно повторенное И. А. Буниным, Д. С. Межковским и З. Н. Гиппиус: «Мы не в изгнании, мы в послании»⁵.

Наши соотечественники стремились показать Западу и советской метрополии уровень и возможность отечественной науки и культуры за рубежом. Русское Зарубежье сохраняло и продолжало развитие традиционной культуры за границей. Как справедливо отметил член-корреспондент РАН Е. И. Пивовар, «понимание российской эмиграции как совокупности потоков позволяет говорить о высокой степени ее неоднородности и о многоаспектности ее влияния на мировую цивилизацию. Воздействие российской эмиграции на социум принимающих стран было многогранным и дифференцированным в зависимости от социальной страты его приложения, институциональной, религиозной, ментальной основы той или иной диаспоры за рубежом. Столь же многоплановой и противоречивой была и обратная связь российского зарубежья с метрополией...»⁶

При осмыслении исторического пути развития отечественной культуры XX в. нужно учитывать четыре важнейших принципа культуры русской эмиграции: общее значение для русской культуры XX в., влияние и степень востребованности идей и концепций эмиграции в советском обществе, взаимодействие с культурами других стран, роль идей и концепций русской эмиграции в современной России⁷. «Для русской эмиграции культура была существенной составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека»⁸.

⁴ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. Т. 1. М.: Родникъ, 1994. С. 3.

⁵ Берберова Н. Н. Лирическая поэма // Современные записки. 1927. № 30. С. 221–230.

⁶ Пивовар Е. И. Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. С. 446–447.

⁷ Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., исп. и доп. СПб., 2008. С. 7.

⁸ Раев М. Россия за рубежом. С. 22.

Федор Иванович Шаляпин в эмиграции на гастролях в Софии, 1934 г.

Эмиграция из России до 1917 г. получила условное название «нулевая волна». Хронология трех «волн» русской эмиграции включает: первую, 1917–1940 гг. (пик — 1919–1921 гг. от падения белого движения до 1922 г. — т.н. «Философского парохода»); вторую, 1941–1956 гг. (пик — конец Второй мировой войны) и третью, 1956–1988 гг. (пик — конец 1960-х — 1970-е гг.). С 1989 г. идет отсчет уже новой, четвертой «волны» эмиграции. К ней причисляют и образовавшуюся после августа 1991 г. 25-миллионную русскую диаспору в «ближнем» зарубежье. Сам термин «волна» очень образный — обозначает этапы исхода из России. Мы всегда видим пик волны, но не можем определить точно, где одна волна переходит в другую.

«Русских эмигрантов» не следует смешивать с «российскими» — выходцами из Российской империи или СССР и их потомками, фактически никак не связанными с русской государственностью и культурой (например, немцы-меннониты, ортодоксальные евреи, басмачи и т.п.). «Русские эмигранты» — это люди, воспитанные в русской культуре, для которых русский язык был родным, вне зависимости от национальности, и которые считали Россию своей первой или второй родиной. Многие из них были православными по вероисповеданию. Ошибочной тенденцией нужно признать смешение термина «русские эмигранты» с этнографическим понятием «великорусы», по этому принципу русские эмигранты — только русские по национальности, с неизбежными «дискуссиями», какого роду-племени была мама у данного представителя эмиграции или какой процент у него крови, конечно, без учета самосознания.

«Российское зарубежье» — более широкое понятие, чем «Русское Зарубежье», — история всех русских диаспор за территорией СССР (а в последнее время модно стало употреблять термин «Русский мир»). Диаспора — компактное проживание лиц одной национальности (культурной общности) или религии за пределами родины — метрополии. Метрополия — страна, являющаяся родиной для самих эмигрантов или их потомков.

Под эмиграцией в современной науке чаще всего понимается переселение (вынужденное или добровольное) в другую страну на временное или постоянное проживание, также часто под этим термином подразумевают совокупность эмигрантов, проживающих за пределами метрополии в другом государстве. Совершенно неверным является смешение понятий «эмиграция» и «иммиграция», т.к. последнее — это въезд в страну граждан другого государства. К феномену «русской эмиграции» ближе явление «политического беженства».

Россия до XX в. не была диаспоральным государством, подавляющее большинство русских жило в своем государстве. Хотя эмиграция из России — довольно давнее явление в отечественной истории. К первым политическим эмигрантам причисляют князя Андрея Курбского и дьяка посольского приказа Григория Котошихина. В XVII в. из России бежали старообрядцы, выступавшие против реформ Патриарха Никона. Их потомки до сих пор живут на западном побережье Чудского озера в Эстонии, в Латгалии в Латвии и в Румынии. Нельзя не упомянуть и «казаков-некрасовцев» (участников восстания Кондрата Булавина), бежавших от петровских реформ с Вольного Дона в Османскую империю. Но массовая эмиграция (т.н. «нулевая» волна) по политическому и религиозному признакам началась фактически в конце XIX — начале XX вв., когда из страны начали уезжать по разным причинам представители различных сословий. С западных окраин империи бедные украинские и белорусские крестьяне эмигрировали в Канаду, США и страны Латинской Америки. В поисках лучшей доли уезжали члены преследуемых в России религиозных и общественных объединений: духоборы и толстовцы (последователи учения Л. Н. Толстого) — в Канаду и Мексику; немцы-меннониты (из-за нежелания служить в российской армии) — в Германию и Латинскую Америку. Российскую империю покидали евреи из-за дискриминационной черты оседлости и погромов — после Первой русской революции 1905 г. для иудеев был облегчен режим выезда из страны. Интересно, что в Палестину, находившуюся под контролем Турции, выезжали наиболее религиозно и национально настроенные евреи (сионисты), но большинство устремилось в США. Именно они заселили Бруклин в Нью-Йорке, хотя в начале века часть еврейской общины эмигрировала в страны Латинской Америки, особенно в Аргентину. Местные жители стали их называть «руссо-ортодоксало», т.е. ортодоксальные евреи из России. Когда же появились представители первой (после 1917 г.) «волны» русской эмиграции, главным образом христиане, антропологически славянского типа и резко отличавшиеся обликом от латиноамериканцев и евреев, их стали называть «руссо-бланко», т.е. белые русские, на что последние охотно откликались — «ясно, что не красные».

Пасха в Париже. Худ. П. В. Рыженко, 2007 г.

Наиболее известными русскими политическими эмигрантами XIX в. большинство исследователей считают покинувшего страну из-за политического режима Николая I и перешедшего в католичество мыслителя и поэта В. С. Печерина, а также революционеров, основателей «вольной русской печати» писателей и мыслителей А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В конце XIX — начале XX вв. из России уезжали члены народнических организаций, анархисты, эсеры, члены РСДРП, кадеты и т. д. Среди ученых можно выделить революционера Г. А. Лопатина, медика, микробиолога В. А. Хавкина и более известного публициста В. А. Зайцева. За исключением революционеров, после революций 1917 г. на родину вернулись немногие. Хотя царское правительство никогда не препятствовало возвращению раскаявшихся соотечественников.

Участники Первого Карловацкого Собора — собрания русского зарубежного духовенства и мирян в Сремских Карловцах (Сербия), 1921 г.

Русское Зарубежье как самостоятельное культурное и политическое явление сложилось к началу 1920-х гг. Основными странами расселения первой «волны» русской эмиграции стали Германия (до начала 1930-х гг.) и Франция. Наиболее благоприятными для русской эмиграции были славянские страны — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославия), Болгария, Чехословакия. «Столицами» Русского Зарубежья стали Берлин (с конца 1919 г. до середины 1930-х гг.) и Париж, а на Дальнем Востоке — Харбин и Шанхай (с 1930-х гг.). Уже про Берлин стали рассказывать такую шутку: «Встречаются два русских эмигранта, видевшиеся последний раз на Родине, и один другого спрашивает: „Как тебе Берлин?“ — „Да ничего город, — отвечает другой, — только немцев почему-то очень много“». Потом этот анекдот стали рассказывать о Париже и Нью-Йорке. Другими центрами были Прага, Белград и София.

Власти и общественность славянских государств из русофильских симпатий и в благодарность за поддержку царской Россией национальных интересов этих стран предоставляли русским эмигрантам самоуправление, работу, в том числе в учебных и научных заведениях (например, в Карловом университете в Праге), государственных и военных учреждениях, назначали пособия, стипендии и оказывали другую помощь. Славянофильские элиты и простой народ испытывали к русским беженцам искреннюю симпатию. Немалую роль сыграло, что сербы, черногорцы и болгары — православные народы, а их духовенство рассматривало помощь русским эмигрантам, как возможность отблагодарить братьев много лет бескорыстно помогавшим им.

Были в начале 1920-х гг. анклавов, где русские эмигранты жили в течение буквально одного-двух лет. Константинополь и турецкая территория вокруг него являлись сосредоточением для беженцев в 1920–1923 гг. Точно также из-за эвакуации «белых» военно-морских сил возникли центры в Бизерте (Тунис) и в Маниле (Филиппины).

Церковь эвакуированного из Крыма в 1920 г.
Корниловского полка в Галлиполи (Греция), 1921 г.

Значительно меньше эмигрантов из России было в Греции, Бельгии, Италии, Венгрии, Швейцарии. Неожиданно много (по сравнению с коренным населением) русских оказалось в Андорре. Ограничили въезд русских беженцев Испания, Португалия и Великобритания, из колоний которой наши соотечественники проникли только в доминионы — Канаду, Австралию, Южную Африку. Но вместе с тем русские эмигранты появились во всех французских колониях. Единственная независимая африканская страна, христианская Эфиопия, с радостью приютила русских эмигрантов. Активно переселялись выходцы из России в США и страны Латинской Америки (в особенности в Аргентину, Бразилию, Парагвай).

«Пенаты» — музей-усадьба Ильи Ефимовича Репина
в поселке Репино (Куоккала) Курортного района Санкт-Петербурга. Современное фото

Сергей Васильевич Рахманинов за работой
в своем кабинете в имени «Сенар» (Швейцария), 1930-е гг.

Особую категорию составляют русские — уроженцы стран-лимитрофов, — государств, образованных на западе Российской империи (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии) Западом для «санитарного кордона» от большевизма для Европы. В этих странах проживало аборигенное (коренное) русское население. Никуда не уезжая, местные русские оказались в эмиграции, хотя в этих странах жили и «классические» эмигранты — беженцы из России. В Финляндии, кроме русских горожан в Выборге (Виипури) и Гельсингфорсе (Хельсинки) и крестьян в Райволе (ныне Рождино) и Красном Селе, было много «дачников» — обитателей загородных домов под Петроградом в поселках Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Келломяки (Комарово), Териоки (Зеленогорск), Тюрисевя (Ушково) и т. д.

По Тартускому мирному договору в 1920 г. правительством РСФСР Эстонии были переданы русские районы — Печорский и Нарва с Ивангородом, которые ранее входили в Санкт-Петербургскую губернию. В Латвийской республике, кроме столицы — Риги, русское аборигенное население жило в Латгалии и Даугавпилсе (Двинске). В Польше, кроме населения Варшавы и Вильно, с русской культурой ассоциировали себя многие жители Западной Белоруссии и Украины. Русскими считали себя русины и карпаторуссы, компактно заселявшие два исторических района в Чехословакии (Подкарпатская и Пряшевская Русь). В Румынии на русскую культуру ориентировалась часть населения Бессарабии и Буковины. Также нужно выделить русское население в Китае, прежде всего в Маньчжурии, где линия КВЖД до революции принадлежала Российской империи и все, начиная с Харбина — города и станции, — было построено русскими. Там находилось «Трехречье» — район с сельским населением (старообрядцы и казаки). Кроме того, подданные России бежали в Восточный Туркестан (Синьцзян) и жили в других китайских городах (Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и т. д.).

Первая «волна» была социальным срезом дореволюционной России. За рубежом оказались представители всех социальных слоев и сословий: члены династии Романовых, титулованная аристократия, дворяне, промышленники, купечество, духовенство, рабочие, крестьяне, казаки и особенно много профессиональные военные и интеллигенции⁹. Менее всего за границей оказалось крестьян-великорусов из центральных губерний империи. Они были самым бедным социальным слоем Российской

⁹ Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века. 2-е изд, испр. СПб., 2003. С. 10.

Княжна Наталья Павловна Палей (Натали Палей) — известная французская манекенщица и актриса, внучка императора Александра II

империи, а особенности Гражданской войны заключались в том, что белые не смогли занять как раз центральные регионы Европейской России. Вынуждены были эмигрировать или даже насильно выслались те, кто составлял гордость российской культуры и науки, можно даже сказать — «цвет нации».

С осторожностью нужно подходить к вопросу о численности русской эмиграции. Каждый эмигрант был живым примером, что никакого социалистического рая не существует. Идеологи коммунизма с 1920 г. до наших дней стремятся преуменьшать количество эмигрировавших или бежавших из России. Сложность в подсчете зарубежных соотечественников составляет и дискуссионность термина «русская эмиграция». Часто учитывают только живших по т. н. «нансеновским паспортам», игнорируя нелегальных эмигрантов и формально принявших иностранное гражданство. Определение эмигрантов по национальности еще более контрпродуктивно, т. к. в дореволюционной России учитывалось вероисповедание, а в XX в. «русский» перестал быть синонимом «православного», тем более

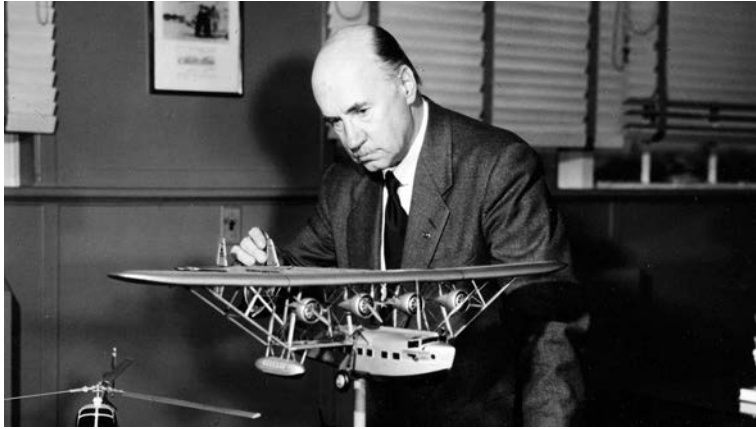
что среди выехавших за рубеж были и представители нерусских православных народов России. Общее число эмигрантов первой «волны», по разным данным, составляет от двух до трех миллионов человек. При этом если включать в первую «волну» русское население стран-лимитрофов (Финляндии, стран Прибалтики, Польши, Румынии), то количество возрастает до 9–10 миллионов¹⁰.

В национальном составе эмиграции преобладали русские, но были также евреи, украинцы, «малороссияне» (именно так национально себя идентифицировавшие), белорусы, немцы, татары, армяне, грузины, калмыки, буряты и представители всех других национальностей Российской империи. Большинство из них ощущали себя людьми русской культуры и временными политическими беженцами из России. К сожалению, соотношение женщин и мужчин в первой волне было одна к девяти. К тому же представительницы прекрасно пола, славившиеся на весь мир красотой, выходили замуж за более обеспеченных иностранцев, а дети от таких браков ассимилировались в первом поколении. За исключением славянских и православных Югославии и Болгарии, русские мужчины в эмиграции не женились на местных уроженках. Эти тенденции наглядно объясняют, почему потомков первой «волны» меньше, чем ее представителей.

За рубежом оказалось до 45–50 тысяч детей школьного возраста, и эмиграция построила собственную систему образования, включавшую значительное число учебных заведений различного вида. Только в Европе функционировало сто русских школ, в которых преподавали учителя лучших московских, петербургских, одесских и киевских гимназий, университетские приват-доценты и профессора. Во Франции работала специальная министерская комиссия по организации русского среднего образования. При французских лицеях открывались русские отделения.

Во всех центрах эмиграции открывались русские высшие учебные заведения. Особенно надо выделить Берлин, Париж, Харбин и Прагу. В «русских Афинах» — в Праге — работало восемь высших русских учебных заведений: Русский народный

¹⁰ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. С. 14.

Игорь Иванович Сикорский с моделью многомоторного самолета, середина 1950-х гг.

(с 1934 по 1943 гг. — «свободный») университет, где были юридический и гуманитарный факультеты; Технический университет; Институт кооперации и сельского хозяйства; Вечерний русский народный университет; Семинарий Н. П. Кондакова, основанный известным византинистом Н. П. Кондаковым; Русский институт коммерческих знаний; Экономический кабинет профессора С. Н. Прокоповича; Институт изучения России. В Карловом университете и работавшем при нем Русском университете преподавали одни и те же ученые и профессора. В Берлине был даже создан «истинный» Петроградский университет. В Харбине действовали Коммерческий институт, Технологический институт, Юридический факультет и др. В Париже создали Богословский институт. Специальное русское отделение открылось и в Сорбонне. В Сорбонне 40 профессоров вели курсы как для русских, так и для французских студентов. В Народном русском университете Парижа с 1921 по 1931 гг. учились четыре тысяч студентов. Русские университетские курсы работали в Латвии в Риге. В столице Болгарии, Софии, в октябре 1922 г. был открыт техникум для русских беженцев с электротехническим, строительным и землемерным отделениями. В русских учреждениях преподавали русские профессора, которые читали лекции и для местных студентов. Уровень образования в Зарубежной России был в то время выше, чем в Советской, — 2/3 взрослых имели среднее образование, почти все — начальное, каждый седьмой — университетский диплом¹¹.

В Русском Зарубежье работало более тысячи ученых, и вклад выдающихся соотечественников в естественные и технические науки был по-настоящему титаническим. Достаточно вспомнить изобретателя вертолета и самолета-амфибии И. И. Сикорского; «отца» телевизора В. К. Зворыкина; автора гипотезы «горячей вселенной» и первого расчета генетического кода, исследователя методов ядерной физики для интерпретации процессов звездной эволюции Г. А. Гамова; классика сопромата С. П. Тимошенко; инженера-кораблестроителя В. И. Юркевича; мостостроителя О. А. Керенского и др. Большой вклад в развитие химии внесли В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин. Нобелевскими лауреатами стали химик И. Р. Пригожин и экономист В. В. Леонтьев. Более 30 лет, начиная с 1922 г., агробактериологическую лабораторию в Институте Пастера во Франции возглавлял микробиолог, автор открытия хемосинтеза, питомец Петербургского университета С. Н. Виноградский; там же работал ученик И. И. Мечникова и И. И. Павлова, биолог, основоположник психонейроиммунологии, исследователь проблем бессмертия и омоложения С. И. Метальников. В Праге работали геологи отец и сын Н. И. и Д. Н. Андрусовы. Школу почвоведения во Франции создал В. К. Агафонов, а в Харбине — Т. П. Гордеев.

¹¹ Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского Зарубежья. С. 13.

Анна Матвеевна (Павловна) Павлова
на борту судна
во время австралийского тура, 1929 г.

Гигантским был вклад русской эмиграции в мировое искусство, театр, музыку и кино. Во всем мире известны художники Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, А. Н. Бенуа, И. Е. Репин, М. В. Добужинский, М. З. Шагал, В. В. Кандинский; артисты балета А. М. Павлова, Т. П. Карсавина, О. П. Спесивцева, М. Ф. Кшесинская, М. М. Фокин, В. Ф. Нижинский, Н. Г. Легат; певцы и артисты Ф. И. Шаляпин, А. Н. Вертинский, Юл Бриннер; композиторы С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, С. С. Прокофьев и др. Русскую художественную школу за рубежом прославил скульптор Г. В. Дерюжинский.

Огромен вклад писателей и поэтов — эмигрантов из России в русскую и зарубежную литературу. Нобелевским лауреатом стал И. А. Бунин. Выдающимся признано также творчество писателей В. В. Набокова-Сирина, Л. Н. Андреева, Д. С. Мережковского, А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, А. Н. Толстого, А. В. Амфитеатрова, М. П. Арцибашева; поэтов М. Цветаевой, З. Гиппиус, К. Бальмонта, И. Северянина, С. Черного, а также как поэта, литературного критика, члена акмеистического «Цеха поэтов» Г. В. Адамовича.

Мировую общественную мысль обогатили своими трудами и концепциями крупнейшие представители русской эмиграции — философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Вышеславцев, И. А. Ильин, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский и др. В эмиграции продолжали свою деятельность: один из основоположников университетской социологии профессор П. А. Сорокин; социолог Н. С. Тимашев; историки Г. В. Вернадский, Н. П. Кондаков, М. И. Ростовцев, С. П. Мельгунов; основатель американского византиноведения А. А. Васильев; лингвисты Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон.

Наши соотечественники неожиданно становились первыми лицами в иностранных государствах. Национальным героем Парагвая стал генерал И. Т. Беляев, а единственным королем Андорры за всю историю этой страны — Борис I Скосырев.

В Русском Зарубежье оказались представители всех российских политических партий и движений. Их политические взгляды и программы, порою полярные, объединяла ненависть к большевикам и абсолютное неприятие советской власти. Со временем позиции стали меняться, в надежде на изменение советского строя и политическое расслоение усилились «сменовеховские» тенденции, рассчитывавшие на национальное перерождение большевистской власти. Уже республиканец П. Н. Милюков признавал со ссылкой на демократическую зарубежную печать: «Было принято считать в демократической печати, 85% эмигрантов являются сторонниками монархии и только 15% могут считаться республикански настроенными»¹². Данные цифры подтверждает меньшевик и бундовец Г. Я. Аронсон¹³. Причем оба автора — представители левых кругов зарубежья. Но монархисты пребывали

¹² Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Республиканско-Демократическое Объединение, 1925. С. 6.

¹³ Аронсон Г. О правых группировках // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив). В. М. Sapir Collection. Box. 52: Sapir / Aronson G. Files. Russain émigré politics. Л. 24.

«Здравница имени генерала Врангеля» в Белграде, фото в первый день Пасхи 1927 г. В первом ряду сидят (слева направо): Сергей Николаевич Палеолог (бывший русский посланник в Сербии), генерал Петр Николаевич Врангель, митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Анастасий (Грибановский), Ольга Михайловна Врангель, прот. Петр Беловидов, начальник «Здравницы» доктор Николай Александрович Терещенко

в постоянном процессе дробления и политического разделения. Самым известным считается раскол на «николаевцев» (сторонников великого князя Николая Николаевича) — 70% и «кирилловцев» (приверженцев Кирилла I Владимировича) — 10–15%.

В эмиграции оказались и представители русского духовенства. Православная Церковь стала единственным социальным институтом, способным объединить совершенно разноликую русскую эмиграцию. Многие эмигранты из России, попав на чужбину, совершенно искренне обратились к православной вере. В 1920-е гг. русское православие в эмиграции распалось на три направления. Существовала Русская Православная Церковь Заграницей во главе с митр. Антонием (Храповицким); в 1926 г. от нее отделились западноевропейские приходы, починавшиеся митр. Евлогию (Георгиевскому); при этом существовали и иерархи, признавшие Московскую Патриархию, такие как митр. Елевферий (Богоявленский).

Известный историк член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров справедливо заметил: «Российское Зарубежье представляет собой совершенно уникальную и неповторимую часть России»¹⁴. Творчество и деятельность эмигрантов из России помогает понять высокую степень влияния соотечественников на науку и культуру других стран и народов. Достижения представителей Русского Зарубежья, в частности, даже кратко изложенные в данной статье, показывают, как много потеряла Россия в 1917 г. и какого уровня рыбок в науке и культуре могла сделать наша страна, если бы сохранила этих выдающихся людей¹⁵.

¹⁴ Сахаров А. Н. Россия: Народ — Правители — Цивилизация. М., 2004. С. 13.

¹⁵ Базанов П. Н. История книжного дела. Книга первой русской эмиграции. СПб.: СПбГУПД, 2020. С. 16.

Источники и литература

1. *Аронсон Г.* О правых группировках // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив). В. М. Sapir Collection. Box. 52: Sapir / Aronson G. Files. Russian emigre politics. Л. 24.
2. *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., исп. и доп. СПб., 2008. 468 с.
3. *Базанов П. Н.* История книжного дела. Книга первой русской эмиграции. СПб.: СПб-ГУПТД, 2020. 208 с.
4. *Базанов П. Н., Шомракова И. А.* Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века. 2-е изд., испр. СПб., 2003. 110 с.
5. *Берберова Н. Н.* Лирическая поэма // Современные записки. 1927. № 30. С. 221–230.
6. *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Ниж. Новгород, 2019.
7. *Миллюков П. Н.* Эмиграция на перепутье. Париж: Республиканско-Демократическое Объединение, 1925. 137 с.
8. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. Т. 1. М.: Родникъ, 1994. 416 с.
9. *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008.
10. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
11. *Сахаров А. Н.* Россия: Народ — Правители — Цивилизация. М., 2004.
12. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.